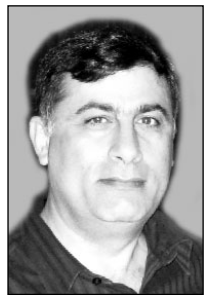

КОРНИ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Раввин из Коканда

Продолжение.

Предыдущие публикации
в №№ 378 – 381

Яков дал Баруху выплакаться. Когда тот немного успокоился, Яков осторожно освободился от его объятий, поднял с пола один из своих узлов, развязал его, достал оттуда ватное одеяло и постелил на бетонном полу, где прежде лежал Барух. Посадив мальчика на одеяло, развязал другой узел, достал оттуда тёплую одежду и укутал ею дрожащего Баруха.

«Ты наверняка голоден», - сказал Яков, поднимая с пола два узла с едой. Барух утвердительно кивнул головой. Яков заметил некоторое оживление арестантов, после того как он упомянул о еде. Выйдя на середину помещения, он протянул узлы с едой и обратился ко всем: «Добрые люди, здесь у меня еда. Присоединяйтесь к нам, пожалуйста».

Яков заметил, что все в камере после его предложения повернули свои головы в сторону окна и уставились на человека, лежащего на нарах. Яков опустил руки с узлами и тоже пристально посмотрел на него. Это был человек лет 55-ти, без одной руки. У него было волевое выражение лица, спокойный, глубокий, рассудительный взгляд. Яков почувствовал, что от него исходит положительная аура.

Некоторое время он и Яков молча и пристально смотрели друг на друга. Наконец безрукий поднялся и заговорил: «Я вижу, что ты не жлоб и не гнилой, Яков-раввин. А потому мы не посчитаем западло присоединиться к твоей хавке. Но вначале, Яков-раввин, ты должен колонуться, за что загремел». Яков вкратце рассказал о том, что случилось с ним этой ночью. Безрукий покачал головой: «Похоже, что ты не лепись... Но гляди, Яков-раввин, если ты мне что-то нагнал или натемнил, мы тебя так опустим, что тебе мало не покажется!» «Я рассказал вам чистую правду о себе и ничего не утаил», - ответил Яков.

«Ну, раз так, у меня возражений нет», - сказал безрукий и обратился к сокамерникам. - Назовитесь все Якову-рав-

вину и располагайтесь вокруг него на полу. Кроме опущенных».

Все в камере сразу одобрительно загудели и, окружив Якова, стали знакомиться с ним, представляясь по имени или по кличке. Последним представился безрукий. «Саморуб», - сказал он, пожав руку Якову. Затем, улыбаясь, добавил: «Но в этой хате можешь называть меня просто - пахан».

Яков сел около Баруха, развязал узлы и сказал пахану: «По нашим обычаям я должен освятить еду молитвами и благодарением Б-га, ниспославшего нам хлеб насущный». «Тики-так - одобрительно кивнул головой пахан. - Мы уважим ваши законы, а ты должен уважить наши. Часть хавки мы должны передать в другие хаты, в общак». Безрукий указал большим пальцем на стенки слева и справа. Яков сообразил, что безрукий имеет в виду соседние камеры, и одобрительно кивнул.

Яков спросил у Баруха, где здесь можно руки помыть. «Там, за занавеской», - ответил оживлённо Барух, указывая в угол. Яков зашел за занавеску. Барух пошёл за ним. Они помыли руки и поблагодарили Б-га за омовение рук. Пока Яков и Барух усаживались в круг, безрукий отложил часть еды в сторону. Яков прочитал молитву на хлеб, поломал лепешку на кусочки, окунул их в соль и раздал по кругу. Все стали есть.

Яков заметил, что двое арестантов, сидевших на полу недалеко от железного бачка, не присоединились к ним. Яков понял, что они и были теми людьми, которых безрукий назвал опущенными. Яков тихо спросил у Баруха: «Ты знаешь, что означает слово опущенные?» «Наказанные или же обиженные, я думаю», - ответил Барух. - Кто-то вчера сказал, что они из камеры обиженных». Яков кивнул головой Баруху и обратился к безрукому: «По нашим обычаям даже наказанные должны вкусить хлеба насущного». Безрукий недовольно буркнул, но всё же дал распоряжение одному из сидевших в дальнем конце: «Шнырь, отнеси им два пая». Тот живо собрал для них два небольших пайка и поднялся. Не доходя метров трёх, положил пайки на пол и сел на своё место.

Яков ел и незаметно наблюдал за опущенными. Один из них немного погодя встал и взял пайки. Яков ожи-

дал, что они как-то поблагодарят за еду, но они даже не подняли голов, словно не смели сделать этого. Яков понял, что здесь действуют незнакомые ему законы и что нужно как можно быстрее постичь их смысл.

В течение нескольких минут вся еда, которую жена Якова приготовила для него, была съедена. Лица заключенных заметно повеселели. Они поблагодарили Якова и разошлись по своим местам. Яков заметил, что на лице Баруха появился здоровый, румянец, а в глазах больше не было горечи и страха. Яков хлопнул мальчика по

плечу. Барух посмотрел на него, улыбнулся и прижался к его плечу.

В камере включился свет. Яков посмотрел вверх. В отверстиях потолка камеры, под железными решётками, засветились две тусклые лампочки. Яков посмотрел через окно на потемневшее небо. «Через несколько минут наступит время вечерней молитвы, и мы должны будем прочитать арвит», - сказал он, не поворачиваясь к Баруху. Ответа не последовало. Яков посмотрел на Баруха. Он спал. Яков осторожно прислонил Баруха к деревянной стойке от нар, постелил на полу одеяло и осторожно уложил на него Баруха, прикрыв его теплой одеждой, которую собрала жена. Потом он подошёл к стенке и стал молиться.

Пока Яков молился, делая ритмичные движения телом в такт молитв, за дверью, в коридоре послышался шум. Он услышал знакомое щелканье дверных замков позади себя. «Баланда прибыла», - раздался голос Шныря. Яков, не поворачиваясь, продолжал молиться. Он старался полностью сосредоточиться на молитвах, но всё же не мог полностью отключиться от суеты, происходящей в каме-

ре. До него доходили обрывки фраз вперемежку со звяканьем посуды. «Шнырь, вылей эту вонючую баланду в парашницу», - услышал он голос безрукого. Затем до Якова долетели обрывки проклятий арестантов в адрес баландёров. Наконец ему удалось с помощью гипнотической самоустановки полностью отключиться от камерной суеты - внешнего мира - и перенестись на некоторое время в мир духовный...

Когда Яков закончил чтение вечерней молитвы, в камере уже было тихо. Из окошка веяло ночной прохладой. Он подошёл к спящему

Баруху, во сне сдвинувшемуся на бетонный пол, и подвинул его на середину одеяла. Тут Яков заметил, что Шнырь лежит на полу за нарами, и посмотрел на нары слева и справа. Там одно место было свободно. «Помоему, Шнырь лежал именно там», - подумал Яков. Он закрыл глаза, воссоздавая в памяти ту картину, которую увидел, очутившись в первый раз в камере. Через секунду вытащил из натренированной памяти эту картинку. Да, точно, Шнырь лежал там. Яков обладал феноменальной зрительной памятью. С детства постоянно работал над собой, развивая в себе все качества, которыми творец наделил человека. Одним из таких качеств была зрительная память, которую он развил до наивысшей степени. За несколько секунд он как бы фотографировал увиденное - и мог воссоздать это в памяти даже через значительный промежуток времени.

Яков снова посмотрел на Шныря. Почему он с нар перебрался на пол? По-видимому, это не было его собственным желанием, размышлял он. Он посмотрел в сторону безрукого. Пахан лежал на нарах, массажиро-

вал своё плечо и наблюдал за Яковым. Яков приветливо улыбнулся ему. С первого раза определил, что безрукий по своей натуре очень хороший человек, имеющий положительную ауру. Но в то же время является рабом тюремных законов. А потому все положительные качества его скрыты для многих. Для многих, но не для Якова, имевшего как природные качества психолога, так и глубокие теоретические знания по психологии. По спокойному, рассудительному взгляду безрукого Яков легко догадался, что пахан - тоже неплохой психолог и в данный момент изучает его. «Да, - подумал Яков, - чтобы держать здесь такую строгую дисциплину, так умело руководить этой разношерстной публикой, нужно быть не только хорошим психологом, но иметь еще множество других качеств». Безрукий спустился с нар, подошёл к Якову и вполголоса произнёс, указывая на свободное место на нарах: «Теперь это твоё место». «Моё? - удивлённо переспросил Яков. - Но здесь лежал Шнырь, когда я вошёл». «Правильно, - ответил пахан. - А теперь это твоё место! У нас в хате такие законы, Яков-раввин. В первую очередь места на нарах для братков с правильными понятиями, а остальным - что останется. Ведь это не наша вина, что хату утрамбовали вдоску. Так?»

«Так, - согласился Яков. - Однако, если человек без понятий, то нужно попытаться довести до его сознания ошибки, которые он совершает». «Яков-раввин, - ответил пахан, морщась от боли в плече, - ты же умный человек и должен понимать, что если корень гнилой, то тут ничем не поможешь. Вот ты, как пришёл, сразу правильно повел себя: поделился хавкой с братками. А Шнырь, когда получил дачку, втихую схавал её... Да, кстати... Ты так уверенно сказал, что Шнырь лежал именно здесь! Догадался, или как?..» - «Войдя в камеру, я запомнил, кто где находился». «Разве это возможно?» - удивился пахан. «Я тренировал свою память с детства», - объяснил Яков. «Как?» - «Мы с братом придумали такую игру: раскладывали на столе несколько предметов, и я старался запомнить их расположение. Потом отворачивался, и брат переставлял их. А я снова расставлял их в том порядке, в каком они находились до перестановки...»

Продолжение
следует